

Леван Васадзе

Странные Обстоятельства Моей Болезни

(Не авторский перевод)

В моем последнем телеобращении, которое называется «Начало моего лечения», я пообещал общественности, что частично перейду на письменный формат общения, что обусловлено нынешним состоянием моего здоровья.

Это не значит, что я больше не смогу делать видеообращения, но в ближайшем будущем, в зависимости от состояния моего здоровья, буду излагать свои мысли в письменном виде.

Прежде чем перейти к основной части обращения, хочу подчеркнуть, что не собираюсь завоевывать в чьих-то глазах ложный авторитет или симпатии, спекулируя своей внезапной и более чем редкой болезнью, странным образом совпавшей с моим приходом в политику.

В нашей стране так много людей, которые тяжело больны, много детей проходят курс химиотерапии, столько страданий и проблем вокруг, что мою болезнь на этом фоне, возможно, и не стоит упоминать.

Но, так как дело касается не столько лично меня и состояния моего здоровья, сколько, возможно общественных и политических процессов в нашей стране, считаю себя обязанным сообщить общественности о том, что со мной происходит, чтобы уменьшить количество ложных слухов и сплетен и дать возможность общественности сделать свои собственные выводы на основе объективной информации, полученной из первых уст.

Сразу скажу, я не могу однозначно сказать, является ли это мое редчайшее заболевание, столь странным образом совпавшее с моим вхождением в политику случайностью, или же искусственно вызванным.

Я не могу исключить здесь какой-либо вариант и, как я уже сказал, не очень надеюсь, что когда-нибудь выясню всю правду до конца. Но это не означает, что у меня нет обязательства перед семьей и обществом подробно описать, все, что происходило со мной в эти трудные месяцы и о чем обществу почти ничего не известно.

В предыдущем телеобращении я назвал свой подтвержденный диагноз (приобретенный амилоидоз сердца типа AL с поражением миокарда сердца) и предварительный второй

диагноз (множественная миелома). Для окончательного подтверждения этого второго диагноза (множественная миелома) требуется сканирование скелета, так называемая процедура контрастного пэт/скана, проведение которой на данном этапе не позволяют показатели моих почек.

В принципе, вне зависимости от того, подтвердится миелома или нет, тяжесть диагноза особо не изменится: амилоидоз, особенно типа AL, гораздо более агрессивное заболевание, чем миелома. Причем, уже обнаруженное в моем анализе количество плазматических клеток, характерное для миеломы, (сознательно не указываю конкретный %), по мнению экспертов, вполне подтверждает вероятность миеломы, которая, как известно, может быть вызвана в том числе облучением и радиационным отравлением.

Я рассказываю такие подробности, потому что сегодня я собираюсь изложить ряд симптоматических и клинических обстоятельств моего заболевания, которые, наряду с вышеуказанными фактами, помогут составить общую картину специалистам следственных органов или медицинской сферы, которым, в будущем, быть может, будет поручено изучение моего случая.

Я не врач, но постараюсь описать события как можно более конкретно и сделать это на понятном всем языке.

В марте-апреле, примерно в то время, когда я начал в узком кругу обсуждение вопроса моего вступления в политику (в том числе и по телефону), у меня появился странный кашель, который никак не проходил и становился все сильнее.

Сначала я не обращал на него внимания, но потом я начал кашлять с небывалой частотой, начал задыхаться, кашель мешал речи и сну, и никакие лекарства не помогали.

В апреле, находясь в Москве на заседании совета директоров нашей компании, я, по просьбе супруги, прошел комплексное медицинское обследование в «Реабилитационном центре академика Лядова». Осмотр длился два дня. Было проведено полное обследование всего организма с использованием современного оборудования и тестов. Результаты обследования задокументированы.

По результатам обследования у меня было все в порядке, кроме сниженных показателей одышки при движении, и мне порекомендовали обратиться к пульмонологу.

Прилетев в Тбилиси, я посетил очень хорошего профессора-пульмонолога, прописавшего мне противокашлевый курс лечения, который мне не помог. После моего

второго, несколько запоздалого визита к нему, доктор заменил некоторые лекарства, но кашель только усиливался.

Это уже происходило в Мае, после того, как я объявил о своем входе в политику (путем создания общественного движения ЭРИ.)

Между тем, мое общее состояние значительно ухудшилось. Сильная одышка ночью, одышка и ограничение движений при ходьбе и подъеме по лестнице, и, наконец, отечность нижних конечностей, с голени до стопы, и все это неуклонно прогрессировало в течение месяцев с Мая по Июнь.

Несмотря на привычные для меня тренировки на свежем воздухе в Кикети, здоровое питание и образ жизни, состояние моего здоровья не улучшалось.

Из-за нехватки воздуха и тяжелого дыхания во время сна мне приходилось принимать сидячее положение. Для меня это стало обычным явлением.

Во время моего второго визита к пульмонологу жена попросила меня в той же клинике сделать рентген брюшной полости. Там одному из наших врачей-родственников что-то не понравилось в печени, но впоследствии это опасение оказалось ложным.

Тем временем мы ехали в Кобулету для очередных встреч со сторонниками в Гурии и в Аджарии, и я решил вылететь из Батуми в Стамбул для еще одного медицинского обследования в клинике Аджибадем, с которой я хорошо знаком.

К этому периоду мое самочувствие, можно сказать, было уже тяжелым. Это подтверждает тот факт, что, когда утром я решил поплавать в любимом мной море, я чуть не утонул и с трудом сумел выплыть на берег, так как не мог двигаться и было чувство, будто у меня останавливается сердце. Все вышеперечисленные симптомы усилились. Мой старший сын, Шио-Ираклий, который в последнюю ночь оставался вместе со мной в номере, позвонил супруге и сказал: «У отца такое учащенное дыхание, что я даже не знаю, как он может спать».

Примечательно, что трое моих друзей и соратников в политических действиях, с которыми я был в Гурии-Аджарии, последние три дня во время нашего совместного пребывания, почему-то тоже начали страдать от удушающего кашля, задыхаясь при разговоре. Они недоумевали, что за напасть их постигла. Слава Богу, как только мы расстались, когда я улетел в Стамбул, они вернулись в Тбилиси, и их кашель, насколько я знаю, бесследно исчез.

То, что я уехал в Стамбул, знали только моя жена и небольшой круг близких, я только

забронировал билет на самолет, и все. Я собирался обследоваться и быстро вернуться в Тбилиси к 5 июля, чтобы сделать все возможное для предотвращения катастрофы, которая произошла.

И было очень странно, что на следующее утро все наши «телеканалы-либерасты» объявили на всю страну, что я был отравлен и уехал в Турцию. На мой взгляд, этот факт является отдельным предметом для расследования: откуда узнали эти обитатели одного «месидж-бокса» о моем перелете и почему они подняли такой шум.

Я очень хорошо понимаю, что в нашей бесправной стране Служба государственной безопасности Грузии (СГБ) и ее зарубежные вышестоящие инстанции делают все, что захотят с телефонами частных лиц, но такая синхронизация действий определенных СМИ по освещению факта моего заболевания таким образом, должна быть расследована.

Я прилетел в Стамбул 23 июня и на следующее утро прибыл в больницу. У меня был график обследования у разных врачей и в списке первым случайно оказался кардиолог. Ведь по результатам обследования в апреле мое сердце было абсолютно здоровым.

Там меня и ожидал «сюрприз». Врач положил меня на стол и начал обследование с помощью движущегося сенсора медицинского аппарата. Внезапно я заметил, что он будто бы опешил, вышел из кабинета и вернулся с двумя коллегами. Они долго смотрели на мой снимок, соглашались друг с другом и, казалось, сочувственно смотрели на меня, как на обреченного пациента.

Доктор попросил меня одеться и «порадовал», сказав, что есть подозрение на одно из самых тяжелых, неизлечимых и редких заболеваний - амилоидоз. При этом он добавил, что не является специалистом этой болезни, но считает, что мне нужны дальнейшие медицинские обследования, хотя и без них прямо сейчас может с уверенностью поставить диагноз - Severe heart failure (острая сердечная недостаточность, вызванная деформацией / утолщением внутренней стенки сердца).

Он объяснил, что на внутренней стенке сердца видно свечение, характерное для кристаллов токсичного белка. При этом доктор предупредил меня, что фракция выброса (выделения кислорода) сердца уменьшена до критического % (я сознательно не пишу конкретную цифру), и сердце может остановиться в любой момент, а для более точной картины необходимо срочно сделать контрастную магнитно-резонансную томографию, которую мне срочно назначил.

Он также «порадовал» меня тем, что может понадобиться срочная пересадка сердца и печени и что продолжительность жизни больных с таким диагнозом очень коротка. Изменив график всех консультаций у других специалистов, он направил меня, в первую

очередь, к нефрологу и гастроэнтерологу, чтобы они проверили, есть ли отложения ядовитых белков, которые он увидел в моем сердце, уже и в других органах: почках, печени и в других местах. Никаких лекарств, кроме банального мочегонного средства, к которому я еще вернусь позже, он не назначал.

Отсюда и начинается полуторамесячный этап моей жизни, полный страданий, тяжелых анализов и процедур, сомнений и тщетных надежд. Еще одна больница в Стамбуле, еще три в Москве. Не буду излишне перегружать вас подробностями.

Из-за изначального опасения остановки сердца я немедленно обратился к уважаемому Лео Бокерия, так как «Национальный медицинский исследовательский центр сердечно-сосудистой хирургии имени А. Н. Бакулева», которым он руководит, проводит самое большое количество операций в мире на остановленном сердце – 6,000 в год - и я подумал, что хоть в таком случае буду застрахован, пока продолжаются обследования.

Господин Лео Бокерия мне сразу перезвонил, сказал, что из-за редкости такого диагноза, его вероятность очень низкая, сказал, что вот уже полвека занимается этим делом и за всю жизнь видел только два случая такой специфики, предложил приехать, все выяснить и, как это ему свойственно, уделил мне огромное внимание, пригласил и привлек всех необходимых специалистов.

Приобретенный, первичный амилоидоз AL типа (то есть негенетический) возникает в основном у пожилых людей, которые много лет находятся на диализе или страдают множественной миеломой, и он, обычно, изначально проявляется в почках. А у меня почки были чистые. В основном он обнаруживается у мертвых при вскрытии, и поэтому развитие такого заболевания у здорового человека за два месяца и его течение противоположно логике болезни делало диагноз очень сомнительным, тем более на основе одного только снимка сердца.

Поэтому возникла необходимость биопсии через сонную артерию, углубленные анализы крови и мочи. Но это было потом.

Не могу не упомянуть великолепного нашего гурджа, кардиолога, г-на Исмета Микеладе, статного и мудрого человека, который вместе со своими друзьями сделал для нас с Нино все возможное в Стамбуле и протянул нам руку дружеской помощи.

О моих лечащих врачах, во главе с врачом из Израиля и о моем хорошем друге-кахетинце, живущим в Америке, расскажу вам как-нибудь в другой раз.

Тем временем со мной происходили странные вещи.

Несмотря на тяжелейший психологический удар (представляете что я чувствовал, что значит для отца восьмерых детей, для совершенно здорового человека, услышать такой диагноз), со дня моего прибытия в Стамбул мое состояние значительно улучшилось, и так продолжалось и в Москве.

Все началось с того, что в первую же ночь я хорошо выспался. Полностью исчез вышеупомянутый кашель, который душил меня в течение трех месяцев. Совершенно избавился от отеков ног, ведь в последнее время я не мог носить обувь. И я не думаю, что это заслуга одного только мочегонного средства.

И, несмотря на то, что, к сожалению, тяжелый диагноз подтвердился, и за эти два месяца, на фоне довольно тяжелого психо-невралгического фона, я не слышал ничего кроме плохого, о своих перспективах и состоянии здоровья, ощущения и симптомы, которые я описал выше, улучшились.

Самое удивительное, что наблюдались не только полное исчезновение кашля, нормализация дыхания во время сна и полное исчезновение отеков конечностей, но и фракция сердечного выброса (то есть выделение кислорода) значительно улучшилась в Москве по сравнению со Стамбулом (я сознательно не пишу, как изменились показатели). А это, по общему мнению абсолютно всех специалистов, совершенно невозможно объяснить действием одного единственного мочегонного средства, которое я принимал все это время, находясь весь этот период в шоковом состоянии.

Этот факт вселил надежду в консилиум врачей, что, возможно, я уже прошел пик какой-то другой болезни. Первое подозрение пало на миокардит (воспаление сердечной мышцы), которое, вероятно, я перенес на ногах. В этой версии было сказано, что, возможно, мое сердце выдержало это благодаря сильным физическим показателям, а деформацию внутренней стенки тогда можно было объяснить т.н. феноменом «сердца спортсмена», то есть сердца, которое привыкло к большим физическим нагрузкам и иногда при таком ударе принимает такую форму.

Меня проверили на антитела к миокардиту, но, к сожалению, анализы этого не подтвердили. Подтвердился мой худший диагноз и саморегулирование фракции сердечного выброса (т.е. выделение кислорода), наряду с исчезновением кашля, избавлением от отеков конечностей и нарушения сна, оставалось необъяснимым феноменом моей тяжелой болезни.

Понимая с самого начала, что, возможно, то, что со мной произошло, не случайность, находясь еще в Стамбуле, я попросил провести углубленное токсикологическое обследование. Я понимал, что, если я имею дело с высокотехнологичной атакой, это должно быть что-то гораздо более сложное, чем банальные функции печени, нарушение

уровня билирубина и многое другое. В Турции мне сказали, что экспертиза такого рода требует решения суда, и я отказался от дальнейших попыток.

В целом, у моего турецкого врача я заметил какое-то нежелание ввязываться в эту тему, несмотря на его высокую квалификацию. Может, услышав версию отравления от меня, они «погуглили» меня, увидели мои выступления против строительства ГЭС "Намахвани" (согласно текущим условиям контракта), которые наши либералистические СМИ окрестили антитурецкими, прошли консультации там, где нужно и начали избегать разговора на эту тему. Откуда мне знать? Кому выгодно остановка сердца пациента, который выступает против строительства ГЭС "Намахвани" в Турции? В любом случае, я должен быть лишь благодарен моему турецкому врачу, который после первого же осмотра предположил тяжелейший для меня, но точный диагноз, и тем самым дал верное направление остальным исследованиям. Однако, я отчетливо помню, он сказал мне, что у них нет центров лечения этого редкого заболевания и порекомендовал несколько стран.

Вернемся к токсикологии. Приехав в центр Бакулева в Москве, я поговорил с одним из наших соотечественников, который является в Москве руководителем ведущей токсикологической службы и большим авторитетом в мире. Он образно объяснил мне, что обнаружить «такие вещи» очень трудно. Он сказал: «Представь, что тебя сбила машина, и водитель убежал, а ты смотришь на переломы и пытаешься понять, как случился тот или иной перелом». Он пояснил, что в случае такой атаки, следы агента в организме быстро исчезают, теоретически что-то могло пару месяцев остаться в волосах, и то, только в том случае, если были использованы соли тяжелых металлов, но и это не гарантировано. И я понял, что не могу ничего узнать на этом фронте самостоятельно. Во-первых, мне было уже очень тяжело физически, а во-вторых, вы можете себе представить, кто бы поверил в Грузии токсикологическим исследованиям, проведенным в Москве. Поэтому я оставил все эту затею, так как вскоре мне предстояло принять гораздо более трудные решения.

Каким методом и у кого лечиться, дождаться или нет рекомендованных ковид-вакцин перед началом лечения и потерять еще 3 недели, дожидаясь вакцинации, и рисковать, что болезнь еще больше распространится на другие органы, или все-таки рискнуть против ковид-вируса, про который мне сказали, что в таком состоянии, в условиях ослабленного иммунитета и с таким сердцем я его попросту не перенесу и так далее. Весь этот «чудесный» букет решений оказался моей «наградой» за эти самые тяжелые полтора месяца моей жизни.

Когда я понял, что не могу справиться с этой логической паутиной, я помолился и попросил Господа, чтобы он решил, что и как делать. Так и случилось. По милости Божией и с помощью друзей я принял все решения и уже вторая неделя как начал

лечиться. Я доверился Господу и собрал все свои силы для борьбы с этой болезнью, я, конечно, не сдамся и не уступлю ей ничего, насколько это в моих силах.

Химиотерапия конечно не подарок, но гораздо труднее научиться быть больным, принимать во внимание все детали и вероятности, не беспокоить других настолько, насколько это возможно, и продолжать жить и служить своей семье и стране. Ваши молитвы помогают обрести мне душевные силы, думаю благодаря им я и держусь. С улыбкой читаю комментарии в стиле «Все будет хорошо, я точно знаю!» Это так трогательно и характерно для нашей любимой культуры.

Одно могу сказать точно: если бы я остался в Тбилиси или, как собирался, вернулся бы из Стамбула до 5 июля в Тбилиси, есть вероятность, что описанных выше необъяснимых улучшений в моем самочувствии не произошло бы.

Не могу также исключить и то, что в результате событий, произошедших 5 июля, что бы я ни делал, все равно дело было бы во мне, а не в справедливом гневe народа. Меня обвинили бы во всем и был бы произведен мой арест. Там моя сердечная недостаточность только осложнилась бы, и неизвестно, каков был бы исход. Естественно, ядовитый свет микрофлоры амилоидоза на внутренней стенке моего сердца никто бы не увидел в тюремной больнице. Я думаю это неоспоримо. А потом Нино могла бы кричать сколько угодно, что ее муж был здоров.

Я много думал, стоит ли делиться этими подробностями публично или нет.

Если меня пытались убить, то это инструкция для них на будущее, чего не удалось сделать на этот раз.

Если я заболел случайно, неудобно беспокоить людей рассказывая о своих испытаниях.

Но я все-таки решил рассказать: во-первых в целях безопасности, а во-вторых, чтобы сократить количество всяких сплетен и разговоров на эту тему.

Возможно ли, чтобы в нашей несчастной стране кто-то сознательно реализовал такой сценарий? Кому выгодно, чтобы не удалось объединить и без того несуществующий патриотический политический фронт и оставить его в руках управляемых радикалов? Кому выгодно оставить нетронутой либеральную дихотомию «нацев» и «коцев» (имеется ввиду Единое Национальное Движение и «Грузинская Мечта»), колебаться из стороны в сторону, пока остатки страны гибнут? Возможно ли, что я и мне подобные люди, которые, для того, чтобы безопасно ходить по улицам своей страны, не подписывают манифесты лояльности ЛГБТ, как кость в горле мешаем кое- кому, и этот кое- кто на своей больной политехнологической кухне спланировал такое, не боясь Бога? Вполне.

В таком случае, означает ли это, что заказ моей ликвидации остается невыполненным. Кому такое было выгодно? Какое развитие событий предполагал их сценарий. Никто не знает.

В то же время, возможно ли, что я просто заболел этой редкой болезнью именно тогда, когда вступил в политику? Конечно, это тоже возможно.

Примечательно, что все эти месяцы, консультируясь с врачами, я, по возможности, хотя мне было не до этого, неоднократно задавал один и тот же вопрос: возможно ли вызвать такое заболевание внезапно искусственным путем?! Мои врачи, с которыми я консультируюсь в США, России, Европе, Израиле и Турции, не могут ни подтвердить, ни опровергнуть это, потому что ответ на этот вопрос относится к другой области компетенции.

Но, вот плазматические клетки, характерные для миеломы и обнаруженные при перфорации тазовой кости и при дополнительных анализах костного мозга, костных частиц и крови, говорят, как минимум, о том, что у меня есть симптомы заболевания, в причинах которого четко указаны воздействие облучения и радиационное отравление.

Судя по тому очень немногому, что я выяснил – как будто, у меня нет других забот – такое отравление часто происходит подмешиванием изотопных веществ в питьевую воду. После принятия такой воды организм человека больше не может противостоять радиации при облучении. Облучение можно осуществить с помощью направленной аппаратуры, для чего подходят и камуфляж видеокамеры, стоящей на треноге, или спрятанный в кустах офицер, который думает, что он просто выполняет приказ и защищает Родину, убивая ни в чем не повинного человека. В таком случае облучение влияет и на других людей, которые находятся рядом, но временно. Таким образом, можно объяснить и кашель моих друзей в Кобулети. Но это все, из шпионского жанра, и, возможно, это все мои фантазии.

Подведем итоги:

- Откуда появилась эта редчайшая болезнь, которая развивается годами, именно в течение 2 месяцев, когда я вступил в политику, ведь, в Апреле я был абсолютно здоров?
- Что за кашель появился у моих друзей в Кобулети, который потом исчез, и,
- Когда я покинул родину, куда исчезли мой кашель, отеки конечностей и неспособность заснуть, хотя с тех пор я не слышал и не испытывал ничего кроме плохого?

- Почему и благодаря чему улучшились функции сердца без каких-либо лекарств?

- И, что главное, почему либерастские СМИ в один голос окрестили меня отравленным и потом замолчали могилой, когда я остался жив, и молчат до сих пор, и откуда они знали в то самое утро о том, что я улетел в Турцию?

Если после описания этих обстоятельств наше государство и Служба государственной безопасности Грузии будут продолжать хранить молчание по этому делу, для меня это тоже будет определенным знаком.

Теперь мне предстоит тяжелое лечение очень опасного заболевания, и все это на фоне поврежденного сердца. Я уже похудел на 11 килограммов и пока не могу много ходить, и это только начало химии.

Впереди еще долгий путь, и, я знаю, как говорил один из наших отцов, «что на этом пути сказочна смелость поэтов». (Галактион Табидзе - "Луна Мтацминды").

Я чувствую удивительную силу и утешение. В эти дни я испытал неопишуемое счастье. Его Святейшество позвонил мне и благословил. Кто хоть раз испытал такое, поймет о чем я говорю.

В этом мире случайностей нет: я пишу это письмо в день памяти главного целителя, святого Пантелеймона. Пусть Святой великомученик Пантелеймон поможет всем больным и носящим бремя, уставшим и скорбящим на нашей родине и во всем мире.

Простите меня если я вас утомил.

В эти дни мы продолжим нашу общественную работу с нашими замечательными друзьями и сообщим вам много интересного и обнадеживающего. Я буду в этой битве до конца, как позволит мое здоровье. Я не могу остановиться в таком состоянии, смириться с болезнью или отступить. Это не правило воина с лозой на спине.

Независимо от причины моего состояния, я благодарю Господа от всего сердца за все и надеюсь на лучшее. Врачи меня обнадеживают, а семья и друзья поддерживают с любовью. Наши враги одного не понимают, в пуху у них здесь рыльце или нет, главное для нас Вечность. Чего убоюся?!

Леван Васадзе
09.08.2021